

Узурпация

Какофония идей, их трактовок и интерпретаций, так или иначе связанных с противостоянием власти и оппозиции, превратила информационную среду в информационный хаос. Думаю, нет нужды перечислять экспонаты этого интеллектуального паноптикума, ибо они не только хорошо известны, но и успели набить оскомину. С другой стороны, ситуация настолько плоха, что уже точно надо что-то делать, поскольку государство российское начинает попросту разваливаться. Пока только институционально – деградировали судебная и правоохранительная системы, здравоохранение, образование, и т.д., но за этим неминуемо последует инфраструктурный и территориальный развал, грозные признаки которых с каждым годом становятся все отчетливей. При этом абсолютно очевидно, что власть не в состоянии купировать этот процесс. Для этого у нее не хватает ни понимания реалий, ни политической воли, ни профессионализма. Поэтому общество будет вынуждено взять на себя ответственность за судьбу страны. Это можно сделать только двумя способами: либо вынудить существующую власть выполнять собственное предназначение, либо воспроизвести новую власть, способную отвечать на стоящие перед страной вызовы. Вопрос только в том, как это сделать?

Почему у нас такая власть?

«Все мы родом из СССР!» Эта расхожая фраза очень точно адресует нас к истокам нынешней власти. Правда, принято считать, что перестройка, завершившаяся развалом Союза, изменила и природу российской власти от тоталитарной к демократической. Но это очевидное заблуждение, потому что природа власти в первую очередь связана с мировоззрением властной элиты. И коль скоро перестройка не привела к радикальной смене элит - к власти пришли представители среднего звена все той же советской партийно-комсомольской элиты, то и говорить об изменении природы власти не приходится.

Таким образом, мы можем рассматривать изменение форм власти лишь в рамках советского тоталитарного прототипа, вершиной которого, безусловно, является сталинская тирания.

Среди разнообразия форм тоталитаризма, обратим внимание на стоящую особняком форму, которую мы назовем «узурпацией». (Вообще-то, под узурпацией понимается скорее некий абстрактный захват власти, чем конкретная форма тоталитаризма, но поскольку содержание этого термина по смыслу ближе всего к тому явлению, которое будет описано ниже, то мы будем использовать термин «узурпация» для обозначения этого явления.)

Так что же это за особенная форма тоталитаризма? Дело в том, что тоталитаризм проявляется, прежде всего, в том, что вмешательство государства в дела общества переходит границы необходимого. По степени превышения необходимости такого вмешательства и определяется степень тоталитарности государства. При этом нужно иметь в виду, что собственное оправдание тоталитаризм всегда ищет в том, что такое вмешательство увеличивает эффективность осуществления власти (под «осуществлением власти» здесь понимается активное противостояние государства вызовам, стоящим перед ним), особенно по отношению к внешним вызовам. Однако такая мобилизационная форма управления имеет обратной стороной деградацию общества, в том числе и

части элиты. У этого фрагмента элиты вместе с частичной утратой прав и свобод, утрачивается ощущение связи между обладанием властью и ее осуществлением. Происходит мировоззренческая мутация элиты. В процессе этой мутации та или иная тоталитарная форма трансформируется в сторону **обладания властью без целей ее осуществления**. Такую мутацию тоталитаризма мы и будем называть **узурпацией**. В первую очередь под единственную оставшуюся задачу сохранения власти перестраиваются государственные институты: законодательная, судебная, и правоохранительная системы. Стремительно нарастает уровень коррумпированности, поскольку коррупция самый простой и эффективный способ конвертации властного ресурса в экономический. Не менее стремительно разрушается политическая среда. Поскольку политическая борьба это соревнование за власть по критериям эффективности ее осуществления, то упразднив необходимость осуществления власти, узурпация упраздняет и политическую деятельность, превращая политические партии в никчемные симулякры. Что самое удивительное, при всем этом узурпация весьма успешно и естественно мимикрирует под демократию и либерализм! Дело в том, что в условиях отсутствия необходимости осуществления власти, узурпация с легкостью возвращает обществу те права и свободы, которые не актуальны в рамках задачи сохранения власти, а нужны были исключительно для решения проблем ее осуществления. При этом создается полная иллюзия демократизации и расширения прав и свобод. Но помимо иллюзорности, подобная «демократизация» наносит большой вред обществу еще и тем, что поскольку уровень возвращенных прав и свобод никак не согласуется с актуальным состоянием общества, с его способностью адекватно использовать эти права и свободы, то все это намечает тенденцию к социальному хаосу.

Очевидно, что узурпация объективно ведет государство к краху. Именно объективно, поскольку узурпация это не реализация чьих-то злокозненных планов, не заговор, а необходимое следствие тоталитарного прошлого. И единственным способом преодоления последствий узурпации является радикальная смена элиты. Лишь элита, в мировоззрении которой различимо обозначена связь между властью и необходимостью ее осуществления, способна предотвратить катастрофу.

Необходимо подчеркнуть, что реальное государство никогда не имеет «чистых» форм, т.е. никогда не обладает признаками тоталитарности или демократии, тирании или узурпации в чистом, незамутненном присутствии признаков других форм, виде. Когда мы говорим об узурпации, то это означает лишь то, что признаки узурпации являются преобладающими, определяющими признаками для данного состояния государства. Поэтому, в зависимости от соотношения тех или иных признаков, меняется степень, интенсивность проявления тех или иных форм государственности. Именно этим объясняется тот факт, что в пост-тоталитарных государствах узурпация не всегда оказывается ярко выраженной.

Я полагаю, нет нужды доказывать приложимость модели узурпации к современному состоянию российского государства. Пожалуй, из всех государств, относящихся к европейскому (или преимущественно европейскому) типу культуры, в России признаки узурпации проявляются наиболее ярко. Становится понятно, почему преодоление сталинской тирании не привело к реальной демократии, почему дарованные за последние десятилетия права и свободы имеют горький привкус хаоса, почему, наконец, являясь объективно богатейшим государством в мире, мы не вылезаем из бедности. К сожалению, все это время

(уже почти 60 лет) мы двигались от тирании к узурпации, резко ускорив движение в последние 20 пост-перестроечных лет, когда пали оставшиеся законодательные и моральные ограничения, принуждавшие власть к осуществлению власти. А сегодня мы стоим уже перед лицом национальной катастрофы.

Что с нами произошло?

В России, как исторической, так и современной, народ был всегда угнетаем и презираем правящей элитой. Разумеется, среди правящей элиты находились отдельные личности и даже группы, которые проявляли другое отношение к народу. Но это ничего не меняло и не меняет: в целом, системно, власть всегда относилась к народу, как к малоценному, но обременительному ресурсу. Впрочем, до конца XIX – начала XX века такое отношение к народу было характерно для правящих слоев повсеместно во всем мире, но в XX веке, под воздействием либеральных идей, мир раскололся на две части: одну из них составили страны, ставшие впоследствии пост-индустриальной частью цивилизации, а другую – остальная часть мира. Линия раздела проходила, в том числе, и по отношению власти к народу: тот, кто перестал относиться к народу как к своего рода «полезному ископаемому», гумусу, Богом данному ресурсу, а разглядел в нем некий супер-ресурс, способный сторицей возвращать вложенные в него затраты (и не только материальные), оценил способность народа в условиях свободы проявлять стремление к развитию, тот получил неоспоримые преимущества и ушел далеко вперед в своем развитии. Остальные, в лучшем случае, довольствовались унылой серостью экстенсивного развития, а в худшем – деградировали и переходили в состояние длительной агонии.

А что же Россия? Россия, к великому сожалению, попала просто в чудовищную ситуацию! Ирония судьбы заключается в том, что революция 1917 года вселяла самые радужные надежды на то, что, уж где-где, а в России освобождение народа должно произойти наилучшим образом и в кратчайшие сроки – ведь победившая партия опиралась на прогрессивнейшую, детально разработанную теорию, каковой являлся на то время марксизм. Но, к сожалению, большевики оказались плохими теоретиками и еще худшими марксистами. Ничтоже сумяшись, они попросту стали трактовать эту теорию в угоду своим сиюминутным интересам. В результате, на практике они свели марксизм к, опять же ложно трактуемой, теории классовой борьбы, что и ввергло страну в состояние массового террора, исходящего со стороны власти.

Другим трагическим обстоятельством, столкнувшим Россию с пути исторического развития, оказалась безумная идея строительства нового общества «в чистом поле», квинтэссенцией которой является известная строчка из Интернационала: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы свой, мы новый мир построим...». Под этот жизнеутверждающий гимн большевики разрушили не только «мир насилья», но и тысячелетнюю культуру народов, населяющих территорию российской империи, ибо в безумии своем рассчитывали заменить ее «Кодексом строителя коммунизма». (Здесь необходимо подчеркнуть, что под культурой в данном тексте следует понимать только и исключительно **общественно воспроизводимый опыт выживания и развития**, а не какие-либо другие трактовки этого многозначного термина). Плачевные последствия этой «новации» можно перечислять долго, но главное из них это утрата обществом способности к самостоятельному выживанию. Отныне общество, народ попали в тотальную зависимость от государства. Но поскольку, никакой социальный

организм не способен к длительному существованию, если он не готов к воспроизведению культурных форм адекватных стоящим перед обществом вызовам, то СССР был обречен изначально. Какое-то время, благодаря тотальному принуждению, удавалось конвертировать остатки прежней культуры в «достижения СССР», но к началу 60-х годов этот ресурс был исчерпан полностью. И, если на индивидуальном уровне, еще можно было встретить носителей высокой культуры, то в общественном смысле культура воспроизводила только покорность, лень, социальную атомизацию и апатию, вороватость и лживость.

Пришла перестройка и СССР рухнул. Тоталитарные формы сдерживания, во многом заменявшие культуру, были быстро утрачены, а собственно культурных форм так и не было наработано. В результате общественные отношения стали стремительно примитизироваться, что способствовало повсеместной криминализации, как наиболее примитивной форме общественных отношений. Россия вступила в полосу тотальной культурной катастрофы. Это вполне очевидно, но все-таки подчеркну: не перестройка стала причиной распада СССР и культурной катастрофы, которая грозит уничтожить российскую нацию – она лишь убрала уже порядком сгнившие подпорки тоталитаризма. Причину же трагедии следует искать в разрушении большевиками вековой культуры российской нации.

Нельзя сказать, что культурный катаклизм случился только с Россией – для XX-го века кризис культуры явление достаточно характерное: это и фашистская Германия, и послевоенная Япония, и, особенно, «до Дэн-Сяо-Пинский» Китай. Строго говоря, ситуация с культурой в Китае была ничуть не лучше, а, возможно, и хуже, чем в России. Но, похоже, Дэн-Сяо-Пин хорошо это понимал и увидел решение в том, чтобы совместить быструю экономическую либерализацию с очень медленной эволюцией культуры в направлении прочь от тоталитаризма. На наблюдаемом историческом отрезке это сработало. Сработает ли на большей исторической дистанции? Не уверен, ибо в Китае были и остаются очень высокие риски реставрации тоталитаризма, несмотря на все активные меры предотвращения.

Но вернемся к России. Перестройка, как уже было сказано ранее, не только вскрыла реальный уровень общественной культуры, но и разрушила тоталитарную модель управления, не имея при этом за душой никаких, могущих быть использованными на практике, конструктивных альтернатив, тем самым поставив общество на грань существования. Был ли такой сценарий неизбежен? Вопрос, на самом деле, очень сложный и на сегодняшний день лично у меня нет на него однозначного ответа... Но в любом случае, мы получили то, что получили. Важно лишь то, что прошедшие 20 лет не внесли в ситуацию сколько-нибудь значительных изменений: мы, по-прежнему, стоим на краю пропасти, и уровень нашей общественной культуры не дает нам надежды на то, что мы в нее не свалимся.

В политическом смысле случившаяся с нами коллизия может быть сформулирована следующим образом: **уровень политической культуры общества не позволяет ему используя демократические механизмы сформировать государственную власть адекватную стоящим перед страной внутренним и внешним вызовам. А сформированная обществом государственная власть не способна осознать необходимость решения задачи повышения политической культуры общества.** Именно это, а не стремление властей к манипуляции результатами выборов, является главной

проблемой требующей незамедлительного решения. Но очевидно и то, что быстро и радикально изменить уровень культуры просто невозможно, а мы находимся в жесточайшем цейтноте. Поэтому следует искать некий временный, может быть паллиативный, выход из ситуации, который, тем не менее, оставлял бы возможности для радикального решения проблемы в будущем.

Итак, российский народ, в силу исторических обстоятельств утративший веками наработываемую культуру выживания и развития, оказался, как ни дико это звучит, заложником демократического способа формирования власти: уровень политической культуры не позволяет ему сегодня воспроизвести адекватную власть демократическим путем. Следует признать, что уровень демократии в нашей стране избыточен по отношению к уровню политической культуры нации. Положение усугубляет то, что в последнее время, после, во многом спонтанных, выступлений «белоленточников» - людей, интуитивно почувствовавших тупиковость нынешней ситуации и вышедших выразить свой протест, власть не нашла ничего лучшего, как взять курс на урезание и так не слишком многочисленных гражданских свобод. И совокупность этих факторов: избыточности демократии и недостаточности гражданских свобод, создает совершенно невыносимую ситуацию в стране, когда воспроизводство ущербной элиты, власти пытаются «лечить» урезанием свобод. Это быстро радикализирует ситуацию, которая все заметнее сползает в сторону открытой конфронтации.

Наш шанс

С сожалением замечу, что шансов на решение описанных проблем не много. Наиболее вероятным сценарием на ближайшее или, в крайнем случае, среднеотдаленное будущее все-таки остается коллапс государственной власти на фоне лавинообразного роста нерешенных проблем. В истории просто нет прецедентов, когда бы нация, находящаяся одновременно в состоянии культурного, институционального, и инфраструктурного кризиса, сумела избежать катастрофы. Тем не менее, теоретический шанс все же есть. Он заключается в том, чтобы использовать феномен гражданского общества для решения задач формирования новой политической элиты. Дело в том, что в ныне существующей политической среде сформировать новую политическую элиту невозможно, поскольку эта среда ориентирована на задачу узурпации и весьма агрессивна к любым попыткам реформирования. Поэтому новая политическая элита может и должна вырваться в другой, неполитической среде, которая, тем не менее, вправе ставить перед собой политические задачи и, в том числе, задачу формирования и осуществления власти. Такой средой может стать только гражданское общество, поскольку уровень культуры (в том числе и политической) гражданского общества по определению существенно выше среднеобщественного уровня культуры. Это очень важное качество гражданского общества, но оно сработает только в том случае, если гражданское общество сумеет осознать приоритет задачи формирования новой политической элиты над всеми остальными задачами. Только в этом случае можно рассчитывать на то, что оно сумеет консолидироваться из рядоположения многочисленных, но небольших и, по сути, изолированных, сообществ, решающих безусловно полезные, но локальные задачи, в целостность национального единства. И только тогда, когда новая политическая элита будет сформирована, придет время ставить вопрос о власти. Только тогда постановка этого вопроса будет ответственной. Только тогда можно требовать передачи власти и быть уверенными, что это приведет к возрождению России, а не к ее гибели!

Тем же, кому не терпится уже сегодня вступить в борьбу за власть, тем, кто призывает к революции, а то и к топору, нужно совершенно четко понимать следующее: если мы будем бороться с Путиным, то мы его победим, но он вернется под другим именем, потому что у партии власти нет и не может быть других лидеров. Если мы будем бороться с властью, то мы и ее победим, но она неминуемо воспроизведет себя в других лицах, потому что у нас нет другой политической элиты, другой политической среды, кроме той ублюдочной, которая способна воспроизводить только узурпацию. Наш единственный шанс состоит в том, чтобы вырастить новую элиту, наработать новую политическую среду, которая и воспроизведет власть, способную отодвинуть нас от края пропасти, создать, наконец, условия, в которых Россия станет свободной и процветающей.

Вместо эпилога

Сегодня время не наш союзник. Оно течет слишком быстро, а за спиной уже слышится тяжелое дыхание катастрофы. Поэтому мы должны действовать.

Мы должны объединиться. Это очень непросто, но мы должны научиться узнавать друг друга по словам, поступкам, выражению глаз...

Нас немного, но на нашей стороне играют культура и интеллект, порядочность и терпимость к инакомыслию.

У нас есть интернет, а, значит, расстояния перестали играть решающую роль.

Мы должны четко и определенно сформулировать наши цели – без этого нам не достичь единства.

Мы должны понимать, что для того, чтобы воспроизвести государство «с человеческим лицом» вовсе не обязательно открывать ящик Пандоры. Мы должны избегать насильственных сценариев.

Мы должны научиться бороться не «против», а «за». Мы должны бороться не против Путина и ЕР, а за вменяемую, адекватную стоящим перед страной вызовам, власть.

К сожалению, мы не можем сегодня опираться на большинство, потому что большинство сегодня пребывает в культурной коме, превратилось в коллективную «Свету из Иванова», и с обреченностью висельника бредет на поводу у власти. Нам еще предстоит разбудить наш народ и это одна из главных сверх-задач.

И когда мы все это сделаем, мы станем зрелым гражданским обществом и тогда нам будет по-плечу решение задач реформирования общества и власти. И тогда закончится узурпация.

Июнь – Сентябрь 2012 г.